

2. Коновалов А.И., Теливанов Е.Ф. Демографическая ситуация и прогноз роста в Китае // *Население Казахстана*. 1998. № 1.
3. Садовская Е.В. Современная китайская миграция в Казахстане: основные тенденции, проблемы и перспективы // *Центральная Азия – Кигай: состояние и перспективы сотрудничества: мат-лы междунар. конф.* (г. Алматы. 4–5 июня 2008 г.). Алматы, 2009. С. 164–166.
4. Мендикулова Г.М. Современные миграционные тренды между Казахстаном и Китаем // Там же. С. 167–168.
5. Книгу о Казахстане он замыслил в Тайване // *Казахстанская правда*. 1999. 29 янв.
6. Султанов Б.К. Территориально-пограничные проблемы в Центральной Азии // *ANALYTIC – Аналитическое обозрение*. 2001. № 3.
7. Гали А.Д. Незаконная миграция и ее влияние на социально-экономические индикаторы государства // *Аль-Пари*. 2006. № 2.
8. Байжанова Б.Ж. Иностранная рабочая сила на рынке труда Республики Казахстан: состояние и проблемы // *Аль-Пари*. 2007. № 3/4.
9. Немцева Н. Поставить СПИДУ заслон // *Казахстанская полиция*. 2008. № 9.

С. Вендт, О.А. Волкова, Б. Чеерз

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И АВСТРАЛИИ

Домашнее насилие – одна из наиболее актуальных современных мировых социальных проблем. Лица, погибшие и получившие телесные повреждения на почве семейно-бытовых конфликтов, в России занимают первое место среди других категорий потерпевших от насильственных преступлений: 70–80% тяжких насильственных преступлений, в том числе 30–40% убийств, совершается в семье, причем женщины и дети составляют 70% всех жертв тяжких насильственных посягательств. Каждый год от рук мужей и сожителей погибают 10 000–14 000 женщин (*Вестник Информационного центра независимого женского форума*, 1997), 2 000 000 детей подвергаются физическому насилию, а 5000 детей уходят из дома из-за жестокого обращения, причем каждый второй из них никогда больше не возвращается в семью (*Папа, мама я – жестокая семья*, 2006). Согласно статистике МВД, насилие наблюдается в каждой четвертой семье в России (*Региональная общественная организация «Анна»*, 2006). В результате разрушается нравственность семьи, происходит ос-

лабление связи и преемственности поколений, гуманизма семейного воспитания, порождается детская безнадзорность и беспризорность, дети вовлекаются в потребление спиртных напитков, наркотиков, проституцию и преступную деятельность.

Правовое поле защиты личности от насилия формируют законы Российской Федерации: Конституция РФ, Уголовный, Гражданский процессуальный, Административный, Семейный кодексы РФ. К преступлениям против личности, связанным с домашним насилием, в УК РФ относятся: убийство, доведение до самоубийства, побои, истязание, оскорбление, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, понуждение к действиям сексуального характера, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, развратные действия, хулиганство, вовлечение в занятие проституцией.

Имеются научные исследования, представляющие собой юридическую рефлексию о насилии как области применения права, например работы ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка «Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование» (Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование, 1995), труды С.Н. Абельцева «Социальные детерминанты преступного насилия и криминализация семейных отношений» [1].

Этнографические и гендерные аспекты домашнего насилия в истории России нашли отражение в работах Н.А. Бердяева, Н.Л. Пушкаревой, Е.И. Гаповой, И.Р. Чикаловой. В последние десятилетия появились исследования, представляющие собой общественную экспертизу современной ситуации насилия в отношении женщин (Э. Мартынова «Женщины и насилие», 1993; А.А. Горбунова «Насилие в российской семье: проблемы и последствия», 1999). В книге «Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах» (1993) представлены результаты российско-британского социологического проекта 1990–1993 гг. «Социальная структура российского села», проведенного под руководством Т. Шанина, где предлагаются устные истории жизни сельских семей из разных регионов России. В работе Т.Ю. Забелиной «Россия: насилие в семье – насилие в обществе» (2002) представлены результаты количественных и качественных исследований по выявлению осведомленности населения России о насилии.

Несмотря на то, что образ сельской семьи России как зоны домашнего насилия в российской литературе представлен недостаточно, существуют работы зарубежных авторов, отражающие исторические аспекты проблемы и перспективы ее решения: J.V. Brown «Female Sexuality and

Madness in Russian Culture: Traditional Values and Psychiatric Theory» (1986); D. Ransel «Mothers of Mystery: Child Abandonment in Russia» (1988); J. Hubbs «Mother Russia: The Feminine Mith in Russian Culture» (1988); B. Clemens, B. Engel, C. Worobec «Russia's Women: Accomodation, Resistance, Transformation», (1991).

Тем не менее работ, посвященных непосредственно исследованию проблем домашнего насилия на селе, отражающих это явление как историко-этнографическую, социокультурную и гендерную проблему, в отечественной науке нет.

Сельское население России, составляющее около 30% всех жителей страны, традиционно живет на более низком социальном уровне (плохие дороги, отсутствие надежных источников связи, недостаточное количество учреждений здравоохранения, культуры и образования). Сельская жизнь характеризуется недостаточностью материальных ресурсов, отставанием от городского уровня социального и коммунального обустройства, изолированностью и территориальной отдаленностью, более низким по сравнению с городом образовательным уровнем жителей села, консерватизмом и социальной инертностью, отсутствием конфиденциальности и недостаточной анонимностью, высоким уровнем безработицы.

Специфика проблем домашнего насилия в условиях сельской местности обусловлена рядом причин:

- ценностными ориентациями, психологией, определенным консерватизмом сельских жителей;
- социальными условиями жизни, труда, быта и трудностями, порождаемыми этими проблемами;
- сельской социальной средой, в отличие от городской характеризующейся тесными соседскими связями, сохранившимися традициями общинных взаимоотношений, которые не позволяют «выносить сор из избы», обнародовать факты насилия как на бытовом уровне, так и на правовом, охранно-защитном [2].

Сотрудники Алтайского Краевого кризисного центра для женщин в партнерстве с НКП «Женский альянс» при реализации Программы «16 дней борьбы против гендерного насилия» отметили, что «склонность к насилию не передается по наследству, она генетически не детерминирована, но ребенок, живущий в семье, где правит жестокость, даже если он непосредственно не подвергался насилию, в 80–90% случаев, к сожалению, перенимает данную модель поведения от своих родителей и переносит ее в свои будущие отношения» (Папа, мама я – жестокая семья, 2006). Данные, полученные в результате исследования, предпринятого Т.П. Дурасановой и О.А. Волковой в 2002 г. на материале малого российского города Сара-

товской области (2003, с. 295–301), подтверждают, что домашнее насилие оказывает негативное влияние на адаптацию и социализацию детей.

Особенно часто насилие встречается, когда жена и дети являются экономически зависимыми (Насилие над женщиной – варварство или традиция, 2006). Многие жительницы села убеждены в том, что за последние 10 лет (то есть в условиях социально-экономического кризиса) уберечься от насилия стало намного труднее. Так, 79,3% сельских женщин считают, что уберечься от насилия стало труднее и лишь 19,5% отметили, что здесь ничего не изменилось (Перед лицом насилия, 2006).

Кроме того, уровень насилия возрос одновременно с падением уровня жизни сельского населения. Так, 31,7% жительниц районных центров и 25,0% жительниц села отметили, что подвергались насилию дома, в то время как среди женщин из мегаполисов такую ситуацию отметили буквально единицы. 76,8% всех опрошенных женщин считают себя незащищенными в правовом отношении, защищенными себя считают только четверть опрошенных (Перед лицом насилия, 2006). Основными жертвами насилия становятся женщины из наиболее неблагополучных слоев как с точки зрения их материального положения, так и образовательного уровня. Серьезной проблемой для сегодняшней российской действительности является не только сам факт наличия насилия в семьях, но и то, что многие не видят возможности воспрепятствовать этому.

Исследование проблем домашнего насилия в Южной Австралии проведено S. Wendt и B. Cheers. Из-за скрытой природы домашнего насилия в сельских районах Австралии (Alston, 1997; Wendt & Cheers, 2002) становится затруднительным определение реальной степени распространенности проблемы. Имеющаяся статистика свидетельствует, что в отдаленных от центров поселениях о домашнем насилии сообщается значительно чаще, чем в городах (Women's Services Network (WESNET), 2000). Например, данные национальных исследований, собранные в 1997–1998 гг. в ходе реализации Supported Accommodation and Assistance Program, дают следующую картину: домашнее насилие в крупных городах составляло 2,32 на 1000 жителей; в крупных населенных пунктах сельской местности – 6,11; в других сельских населенных пунктах – 3,23; в сельских населенных пунктах, значительно отдаленных от крупных городов – 9,85 (WESNET, 2000, р. 4). Реальные показатели могут быть гораздо выше приведенных. Сельские провайдеры услуг представляли многочисленные данные, подтверждающие обоснованность и очевидность высокого уровня домашнего, сексуального и других типов насилия, распространенного среди сельских жителей мелких населенных пунктов (Coorey, 1990, 1992; Alston, 1997; Hogg & Carrington, 1998; Wendt & Cheers, 2002).

Научные исследования австралийских авторов направлены на изуче-

ние причин, последствий и динамики домашнего насилия (Scutt, 1990; Hopkins & McGregor, 1991; Horsfall, 1991; Victory, 1993; Family Violence Professional Education Taskforce (FVPET), 1994; Bagshaw & Chung, 2000; Bagshaw, Chung, Couch, Liburn & Wadham, 2000; Chung, Kennedy O'Brien & Wendt, 2000), однако лишь пять из них проведены на материалах сельской местности. Nolan (1992, p. 20) установил, что «некоторые аспекты сельской жизни фактически делают женщин более уязвимыми для домашнего насилия. Эти факторы сталкивают жертв домашнего насилия с реальными трудностями, которые, по-видимому, в некоторых случаях действительно являются непреодолимыми барьерами, не позволяющими преодолеть его».

Австралийские исследователи (Samyia, 1987; Coorey, 1990, 1992; Alston, 1997; Davis, Taylor & Furniss, 2001; Nolan, 1992; Lovell, 1996; Bagshaw et al, 2000) выявили, что факторы, действующие в сельской местности (финансовое положение, территориальная отдаленность от густонаселенных центров, изоляция, недостаток информации, ограниченный доступ к полиции и юридической защите), делают женщин более уязвимыми к семейному насилию (Coorey, 1992; Bagshaw et al., 2000, p. 88). Женщины сообщают о затруднительных обстоятельствах, не позволяющих им разрушить семейную или общинную (settlements) собственность (Coorey, 1992; Nolan, 1992; Bagshaw et al., 2000); позор обнаружения насилия, сплетни в социальных сетях также способствуют решениям женщин не обращаться за помощью в соответствующие структуры (Samyia, 1987; Coorey, 1990, 1992; Nolan 1992; Lovell, 1996; Alston, 1997). В итоге недостаточная помощь со стороны полиции и системы государственного правосудия для сельских женщин также является фактором, способствующим их уязвимости в ситуациях, связанных с насилием (Knowles, 1996, p.i; Lovell, 1996, p.47; Alston, 1997, p. 19–20). В сельской местности нередко наблюдается также общая толерантность и снисходительность по отношению к домашнему насилию, полицейские часто имеют личные взаимоотношения с жителями, включая преступников (Coorey, 1990, p. 3; Coorey, 1992, p. 26; Knowles, 1996, p. 151; Nicholson, 1996, p. 8, 15).

Ученые подчеркивают, что фактически нет исследований, направленных на изучение насилия, связанного с имущественными проблемами (farm properties) (Hoggs & Carrington, 2003) и другими, что отмечалось на конференции *Setting the Agenda for Rural Women: Research Directions* в 2002 г. (O'Hagan, Alston & Spriggs, 2003, p. 19).

Австралийские ученые, исследуя культуру конкретной сельской местности в контексте домашнего насилия, нередко используют постструктуралистские подходы (Wendt, Taylor & Kennedy, 2002), что не всегда вызы-

вает одобрение, так как взгляд на сельских жителей становится более одомерным (Wendt et al, 2002). К примеру, последнее исследование S. Wendt (1999, 2005) в Южной Австралии направлено на изучение влияния местной культуры на домашнее насилие. Автор считает, что общепринятые религиозные ценности и верования нуклеарной семьи, связанные с клятвой, данной при заключении брака, настолько строги, что женщины, согласно им, вроде «отданы в аренду» и продолжают по традиции оставаться в отношениях насильственности, ничего не предпринимая для изменения ситуации (Hoggs and Carrington, 1998, 2003; Wendt & Cheers, 2002).

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что несмотря на специфику стран – России и Австралии, в проблеме домашнего насилия много общего:

- особенности геополитического положения России и Австралии, к которым можно отнести срединное положение между различными цивилизациями, пространственные характеристики «расстояния» и «простора» как атрибуты русской и австралийской ментальности;

- более высокий уровень семейного насилия в удаленных от крупных городов районных центрах и селах России и сельских поселениях Австралии, где наиболее, чем в городской среде, сохранен патриархальный тип культуры;

- социокультурные практики, требующие от сельского жителя в обеих странах неразглашения семейных проблем, определенной их закрытости;

- территориальная отдаленность и в силу этого необеспеченность услугами социальных сервисов;

- незащищенность потенциальных и реальных жертв домашнего насилия в правовом отношении, недостаточный уровень работы местных правоохранительных органов;

- правовая неграмотность жителей села, связанная с их более низким образовательным уровнем по сравнению с городскими жителями;

- экономическая зависимость жертв от субъектов насилия (в России это чаще всего жилищная проблема, в Австралии – проблемы совместной собственности).

В связи с актуальностью проблемы возникает необходимость разработки комплексных национальных программ профилактики насилия в семье и оказания помощи его жертвам, которые должны содержать как мероприятия по созданию механизмов социально-правовой защиты, так и мероприятия по работе с общественным мнением. Они подразумевают профилактическую деятельность, социальную поддержку семьи, включение ее в реабилитационные программы и создание необходимых условий по преодолению кризисной ситуации и последующего развития се-

мы. Предотвращение насилия в семье достигается системой мер по оказанию социальной, психологической, юридической и иной помощи; социальной реабилитацией членов семьи; помощью в разрешении конфликтных ситуаций в семье; осуществлением социального контроля над поведением членов семьи, совершивших насилие в семье; предоставлением убежища пострадавшим от насилия (Республиканская программа «Профилактика и предотвращение насилия в семье», 2003).

Успешность профилактики насилия в семье напрямую зависит от степени осознания обществом глубины этой проблемы, ее последствий, выражающихся прежде всего в социальном неблагополучии детей и подростков, ухудшении здоровья женщин и детей, снижении работоспособности.

Библиографический список

1. *Абельцев С.Н.* Социальные детерминанты преступного насилия и криминализация семейных отношений // Юрид. вестник Ростов. гос. экон. ун-та. Ростов н/Д, 2000. № 2. С. 21–27.

2. Нет насилию в семье // Вестник Информационного центра независимого женского форума. 1997. № 10.

С.М. Гладков

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ МАЛЫХ ГОРODOB

Накануне выборов в Совет депутатов на территории г. Балашова было проведено комплексное социологическое исследование, направленное на изучение общественно-политической ситуации.

Количественное исследование проводилось в форме стандартизированного интервью (650 респондентов), качественное исследование реализовывалось посредством фокус-групп (2 группы общей численностью 15 респондентов).

В задачи количественного исследования входило:

1. Определение проблематики, волнующей жителей города;
2. Изучение значимости возможных тем будущей избирательной

Основной задачей фокус-групп стало тестирование предполагаемых тем кампании по выборам депутатов горсовета: экологические проблемы; оптимизация муниципальной власти; вопрос о референдуме по вопросу присоединения г. Балашова к Воронежской области.